

29

Δ 542

ЕВРЕИ ИХЪ ВЪРОУЧЕНІЕ

И

ПРАВОУЧЕНІЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

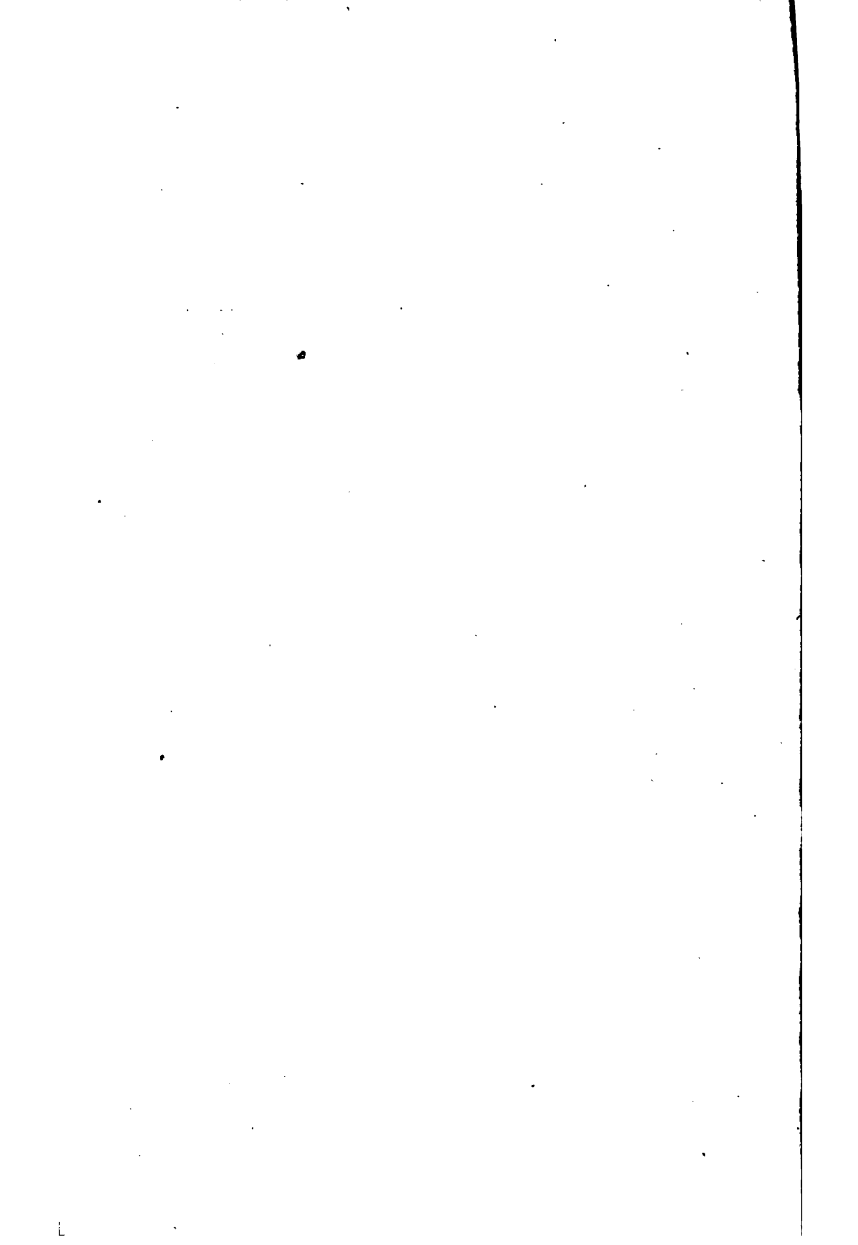
С. Я. ДИМИНСКАГО

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Н. Скорѣходова (Надеждинская, 43)

1893

ЕВРЕИ, ИХЪ ВЪРОУЧЕНІЕ И ПРАВОУЧЕНІЕ

1992年12月15日

29 +
Δ 542

ЕВРЕИ **ЧИТАЛЬНЯ**
ИХЪ ВЪРОУЧЕНІЕ
И
ПРАВОВОУЧЕНІЕ

Р. 1884, 1885.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. Я. ДИМИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

8084.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)

1893

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

Jud 118.93.2

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго
Комитета печатать дозволяется. Спб. 22 января 1893 г.

Цензоръ Протоіерей А. Астономовъ.

N L E A 5 L

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ

Съ отраднымъ и вмѣстѣ съ скорбнымъ чувствомъ приступаемъ мы къ новому изданію книги покойнаго С. Я. Диминскаго: съ отраднымъ—потому что она обратила на себя, какъ и слѣдовало ожидать, всеобщее вниманіе, много разъ цитировалась въ журналахъ и газетахъ и много разъ еще будетъ цитироваться; съ скорбнымъ—потому что автора нѣтъ въ живыхъ и, оставляя въ сторонѣ личныя наши симпатіи къ нему, мы должны, на основаніи знанія несовершенства человѣческихъ дѣлъ, а ргіогі допустить, что сочиненіе его не лишено нѣкоторыхъ, незначительныхъ, впрочемъ, недостатковъ, исправить которые мы и не рѣшаемся, и не чувствуемъ себя компетентными, но которые, разумѣется, были бы усмотрѣны и устранены самимъ авторомъ. Книга его не предназначалась для

распространенія въ большой публикѣ, а потому она написана черезчуръ дѣловымъ языкомъ. Тѣ нападки, которыя она вызвала со стороны юдофильскихъ писателей—въ „Сѣвѣрномъ Вѣстникѣ“, гдѣ появилась въ августѣ 1891 г. замѣтка г. Владиміра Соловьева, и въ сочиненіи г. Песковскаго, посвященномъ исключительно защитѣ еврейскихъ интересовъ, были бы побѣдоносно отражены — мы въ этомъ не сомнѣваемся — покойнымъ авторомъ. Впрочемъ, насъ утѣшаетъ, что нападки, о которыхъ мы говоримъ, были сравнительно слабы. Еврейство и его немногіе искренніе, а большею частью продажныя, защитники не преминули бы доказать несостоятельность сочиненія Диминскаго, еслибы въ самомъ дѣлѣ возможно было опрокинуть факты, собранные въ его книгѣ и освѣщенные съ безпристрастіемъ истиннаго ученаго. Приличнѣе всего было бы отпарировать полемическіе финты г. Владиміра Соловьева и г. Песковскаго писателю, спеціально занимающемуся еврейскимъ вопросомъ, еслибы эти апологеты еврейства сами могли назваться спеціалистами своего дѣла. Но такъ какъ ни г. Соловьевъ, ни г. Песковскій не могутъ быть причислены къ глубокимъ знатокамъ еврейства, то мы не счи-

таемъ для себя большою смѣлостью сказать нѣсколько словъ по ихъ адресу—не въ защиту книги Диминскаго, она не нуждается въ ней, она слишкомъ сильна сама по себѣ— а чтобъ показать, какъ поверхностны и легкомысленны юдофилы, когда берутся судить о томъ, что выше ихъ пристрастнаго отношенія къ предмету.

Изъ двухъ противниковъ Диминскаго г. Песковскій является только сателитомъ г. Владиміра Соловьева: онъ съ умиленіемъ замѣчаетъ, что Соловьевъ „зарѣзалъ“ Диминскаго. Комическая кровожадность его опѣнена уже по достоинству, между прочимъ въ „Наблюдателѣ“. Абсолютное незнакомство г. Песковскаго съ еврейскимъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ позволило ему только сослаться на г. Владиміра Соловьева, съ странной злостью напумѣвашаго въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ на цѣлыхъ пяти страничкахъ. Давно замѣчено, что если люди, обладающіе мирнымъ и благодушнымъ темпераментомъ, начинаютъ въ спорѣ сердиться, то это признакъ ихъ неправоты. Замѣтимъ это только мимоходомъ. Замѣтимъ также, что русскіе люди, вдругъ проникнувшіеся еврейскими симпатіями, высказываютъ ихъ обыкновенно съ большою горячностью, чѣмъ

сами евреи. И въ то время, какъ умный и просвѣщенный еврей, хорошо знакомый съ дурными сторонами своего племени, пойметъ, что серьезное изслѣдованіе этихъ дурныхъ сторонъ необходимо для общаго блага и въ концѣ концовъ выгодно отразится только на самомъ же еврействѣ, заставивъ его поступиться своими врожденными привилегіями хищничества (намъ извѣстны такіе евреи — и они наши друзья), русскій еврействующій доброволецъ постарается быть слѣпымъ и глухимъ, одинъ въ надеждѣ на подачку, другой въ расчетѣ на двусмысленную славу среди угнетеннаго избраннаго народа. Опять-таки дѣлаемъ это замѣчаніе мимоходомъ.

Намъ приходится остановиться только на г. Владиміръ Соловьевѣ, какъ на типичномъ и единственномъ юдофилѣ, высказавшемся противъ Диминскаго. Оказалось, что, кромѣ г. Соловьева (не считая близорукаго г. Песковского), никто не дерзнулъ выступить противъ книги Диминскаго съ дырявымъ мѣшкомъ за плечами вмѣсто колчана.

Въ томъ же „Наблюдателѣ“, оцѣнившемъ по достоинству книгу г. Песковского, была напечатана замѣтка, посвященная г. Соловьеву; но очевидно у ея автора не было подъ рукой того матеріала, какимъ располагаемъ

мы. А между тѣмъ г. Владиміръ Соловьевъ — шутка сказать! — силится убѣдить легковѣрнаго читателя, что Диминскій памфлетистъ, не знающій талмуда, заимствующій свои цитаты изъ новѣйшихъ русскихъ сочиненій и совершенно незнакомый съ еврейской письменностью вообще, не только съ талмудомъ.

Въ какой степени Диминскій *не знаетъ* талмуда, г. Владиміръ Соловьевъ могъ бы убѣдиться, хотя бы бѣгло просмотрѣвъ изслѣдованіе этого автора о талмудѣ, которое было напечатано въ Кіевѣ въ 1869 г. и доставило ему степень магистра богословія. Конечно, это обстоятельство могло быть неизвѣстно г. Владиміру Соловьеву; однакоже мы упоминаемъ о немъ въ нашемъ первомъ предисловіи къ книгѣ Диминскаго. Изъ этого изслѣдованія г. Владиміръ Соловьевъ, кстати, могъ бы почерпнуть хотя бы нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, что такое талмудъ и какъ смотритъ на него нашъ авторъ, долженствующій быть авторитетомъ для г. Соловьева, если принять въ соображеніе, что сдѣлано обоими этими учеными въ области изученія еврейства. „Талмудъ“, — говоритъ Диминскій въ своемъ изслѣдованіи, — „представляетъ собою богатѣйшее собраніе данныхъ для изученія религіозныхъ понятій какъ древнихъ, такъ

и большею частью нынѣшнихъ евреевъ“. Но изученіе самого талмуда встрѣчаетъ огромныя затрудненія: въ талмудѣ все смѣшано и перепутано, все наполнено противорѣчіями, все имѣетъ характеръ случайности и неожиданности. „Безпорядочность Вавилонскаго талмуда такъ рѣзко выдается, что, по свидѣтельству самого талмуда, отсюда произошло, между прочимъ, и названіе его Вавилонскимъ“. „Вслѣдствіе такой безпорядочности талмуда и невозможности сдѣлать изъ него непосредственное приложеніе, составлены были въ средніе вѣка для общаго употребленія разныя сокращенія и руководства по талмуду“. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: Сокращеніе талмуда, сдѣланное современникомъ Раши (подъ 1040 годомъ р. Ицхакъ Алфесъ), Сокращеніе, составленное Ротбамомъ или р. Моше б.-Маймонъ 1135 г., Извлеченіе изъ талмуда, сдѣланное р. Іакобъ б.-Ашеръ 1340 г. и состоящее изъ четырехъ частей, и т. д. (см. 3 страницу Исслѣдованія Диминскаго о талмудѣ). „Авторы этихъ сборниковъ и толкованій, — говоритъ далѣе Диминскій, — еще превосходятъ составителей талмуда своимъ суевѣріемъ, невѣжествомъ и самымъ крайнимъ фанатизмомъ. Исключеніе можетъ быть сдѣлано развѣ для Маймонида

и то съ ограниченіями. Но эти сборники и толкованія, по крайней мѣрѣ, болѣе вѣрны самимъ себѣ и не представляютъ такого множества противорѣчій, какъ талмудъ“. „Въ талмудѣ если приводится вѣрный законъ, то только формальный и характеръ праведности по талмуду чисто формальный. Жена сунимитянская убѣждается въ праведности Елисея тѣмъ, что мухи не падаютъ въ кушанья его. (Berach. X, 2). Езекиа исцѣляется не за искренность молитвы, а за то, что онъ прочиталъ сразу двѣ молитвы, непосредственно одну за другой (Berach. X, 2). Наслѣдованіе вѣчной жизни обѣщается за трехкратное прочтеніе въ день 145-го псалма (Berach. III, 2). Въ каждой внѣшней формальности важна не самая формальность, а всесторонняя приложимость и, такъ сказать, способность ея къ повсемѣстному принятію съ тѣмъ, чтобы, съ принятіемъ оной всѣми евреями, ни одинъ членъ еврейской общины внѣшнимъ своимъ поведеніемъ и обрядностью не отличался отъ другого, чтобы каждый изъ нихъ по внѣшнему виду могъ узнать своего соплеменника и единовѣрца, чтобы внѣшніе знаки постоянно напоминали еврею тѣ обѣтованія, къ которымъ онъ призванъ, и были знаменіемъ его завѣта съ Богомъ и его го-

товности къ принятію обѣтованій. Что же касается внутренняго отношенія къ закону, то въ талмудѣ высказался если не древній іудей, съ такой легкостью поддававшійся служенію Молоху и Астартѣ, то тотъ еврей, котораго коснулась греко-римская цивилизація, старавшаяся сломить религіозныя чувства еврея, но напору которой еврей съ такимъ усиліемъ противопоставлялъ оплотъ во внѣшней формальности (Pirk. Aboth. II, 1). Еврей, по видимому, не поддался, исчезла и дышавшая духомъ эллинизма секта садукеевъ; но духъ эллинизма, олицетворявшій въ образахъ божествъ силы природы, склонности и страсти человѣческія, у еврея проявился въ признаніи имъ законности видѣть въ законѣ не то, что стоитъ на самомъ дѣлѣ въ законѣ, а то, что болѣе нравится чувственному, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренному въ своихъ правахъ на Божія обѣтованія еврею. Учители закона знаютъ, на примѣръ, что законъ запрещаетъ совершать извѣстныя вещи днемъ, но изворотливый и чувственный еврей обратитъ день въ ночь, закрывши ставни, или удалившись въ темную комнату. Законъ не можетъ разрѣшить купанья и пользованія другими удовольствіями человѣку, которому по закону назначенъ семидневный трауръ, а

р. Іохананъ, похоронившій жену, принимаетъ ванну и на представленія учениковъ въ противозаконности его поступка, возражаетъ, что къ семидневному трауру обязаны здоровые, а не больные, подобные ему, что трауръ назначенъ для дней, но не для ночей (Berach. XVI, 2)“. Въ книгѣ Диминскаго приведенъ еще рядъ подобныхъ примѣровъ. „Талмудъ, поэтому, есть сборникъ опредѣленій, обнимающихъ до послѣдней возможности всѣ случаи жизни человѣка и дающихъ однообразіе самомалѣйшимъ чертамъ внѣшней жизни еврея, такъ что послѣдователь талмуда всегда остается вѣренъ себѣ, въ какое время и среди какихъ бы народовъ онъ ни жилъ. Но, съ другой стороны, освѣщая формальность и подавая, во имя божественнаго закона, оправданіе человѣку за одно выполненіе формальностей, талмудъ уполномочиваетъ человѣка на совершенно случайные выводы изъ него, въ существѣ своемъ часто противорѣчащіе основному духу закона. Въ талмудѣ дается освященіе чувственнымъ и эгоистическимъ инстинктамъ народа, подставленнымъ весьма искусно подъ оправданіе закона и признаннымъ совершенно согласными съ Божественною волею“. „Талмудъ имѣетъ своей задачей опредѣлить внѣшнюю сторону жизни